

Дагеротип в России

Том III

Собрание Литературного музея
Института русской литературы
(Пушкинского Дома) РАН

The Daguerreotype in Russia

Volume III

**The Collection of the Literary Museum of the Institute
of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences**

St. Petersburg
2015

УДК 778.086(47+57)(083)
ББК 85.163(2)я2
Д14

СВОДНЫЙ КАТАЛОГ «ДАГЕРОТИП В РОССИИ»

Руководитель проекта: З. М. Коловский (РОСФОТО, генеральный директор)

Редакционный совет: Е. В. Бархатова (РНБ), В. С. Логинова (Пушкинский Дом), А. В. Максимова (РОСФОТО, председатель Совета), Т. Г. Сабурова (ГИМ), О. Ф. Уйманен (РОСФОТО)
Общая редакция и составление: Е. В. Бархатова (РНБ), А. В. Максимова (РОСФОТО), Т. Г. Сабурова (ГИМ)

Том III

Собрание Литературного музея Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН

В. Е. Багно (ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, директор)
Л. Г. Агамалян (Литературный музей ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, заведующая)
Автор-составитель: В. С. Логинова (Пушкинский Дом)
Научные редакторы: Е. В. Бархатова (РНБ), А. В. Максимова (РОСФОТО), Т. Г. Сабурова (ГИМ)
Атрибуция: В. С. Логинова (Пушкинский Дом), Е. В. Бархатова (РНБ), Т. Г. Сабурова (ГИМ), А. В. Максимова (РОСФОТО); при участии: Б. А. Косолапов (ГРМ), О. А. Хорошилова (СПГУТД), О. Ф. Уйманен (РОСФОТО)
Реставраторы: Ю. А. Богданова (РОСФОТО), К. А. Мисюра-Аладова (РОСФОТО), А. А. Асеева (РОСФОТО)
Фотограф: А. Р. Самойлов (РОСФОТО)
Выпускающий редактор: М. Г. Дынникова
Редактор: Т. П. Артёмова
Корректор: Е. В. Величина
Дизайн и вёрстка: А. Л. Макаров (РОСФОТО)
Перевод на английский язык: И. Ю. Макеев

ISBN 978-5-91238-016-7 / ISBN 978-5-91238-023-5 (т. 3)

© Литературный музей Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН
© РОСФОТО текст, составление, дизайн, вёрстка, перевод, 2015

Проект реализован при поддержке Министерства культуры Российской Федерации

Организаторы выражают благодарность за помощь в осуществлении проекта Министерству культуры РФ; руководству и научным коллективам музеев, архивов и библиотек, и лично П. В. Хорошилову

THE DAGUERREOTYPE IN RUSSIA. A CONSOLIDATED CATALOG

Head of the Project: Z. M. Kolovsky (ROSPHOTO, Director)

Editorial Board: E. V. Barkhatova (RNL), V. S. Loginova (Pushkin House), A. V. Maximova (Chair, ROSPHOTO), T. G. Saburova (SHM), O. F. Uimanen (ROSPHOTO)

Editing & Composition: E. V. Barkhatova (RNL), A. V. Maximova (ROSPHOTO), T. G. Saburova (SHM)

Volume III

The Collection of the Literary Museum of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences

V. E. Bagno (Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences)
L. G. Agamalian (Head of the Literary Museum at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences)
Prepared for publication by V. S. Loginova (Pushkin House)
Science Editors: E. V. Barkhatova (RNL), A. V. Maximova (ROSPHOTO), T. G. Saburova (SHM)
Attribution: V. S. Loginova (Pushkin House), E. V. Barkhatova (RNL), T. G. Saburova (SHM), A. V. Maximova (ROSPHOTO); with the participation of: B. A. Kosolapov (SRM), O. A. Khoroshilova (SPSUTD), O. F. Uimanen (ROSPHOTO)
Restorers: J. A. Bogdanova (ROSPHOTO), K. A. Misyura-Aladova (ROSPHOTO), A. A. Aseeva (ROSPHOTO)
Photographer: A. R. Samoilov (ROSPHOTO)
General Editor: M. G. Dynnikova
Literary Editor: T. P. Artemova
Proofreading: E. V. Velichkina
Design & Makeup: A. L. Makarov (ROSPHOTO)
Translation: I. Yu. Mackeev

© Literary Museum of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences
© ROSPHOTO text, composition, design, makeup, translation 2015

The project has been carried out under the aegis of the Ministry of Culture of the Russian Federation

The editors would like to express special thanks to the Ministry of Culture of the Russian Federation, to the management and research staff of the participating museums, archives and libraries, and personally to P. V. Khoroshilov, for their support in the implementation of this project

Введение

Работая над реализацией Национальной программы сохранения фотодокументов, входящих в состав государственных фондов Российской Федерации, музейно-выставочный центр «РОСФОТО» на протяжении ряда лет готовит многотомный сводный каталог «Дагеротип в России».

Это издание посвящено уникальным изображениям на металле, полученным в камере-обскуре с помощью самого раннего в истории фотографического процесса, который был обнародован в 1839 г. Л. Ж. М. Дагером (1787–1851) и широко распространён в мире с 1840-х до начала 1860-х гг. Пришедшая на смену трудоёмкой дагеротипии новая технология, которая давала возможность тиражирования снимка на бумаге, способствовала быстрому забвению существовавших в единственном экземпляре «дагеровых зеркал». И поэтому эти ценнейшие памятники ранней фотографии, когда-то весьма распространённые в обществе, были надолго забыты, часто подвергаясь физическому и химическому разрушению, неизбежно вызванному ходом времени, особенностями сурового климата.

Специалисты РОСФОТО вместе с коллегами из музеев, архивов и библиотек Российской Федерации планомерно работали над выявлением в фотоколлекциях снимков на металле, занимались профилактикой их сохранности, реставрацией и консервацией, а также трудились над

введением в научный оборот этого важного для отечественной культуры изобразительного материала.

В настоящем томе публикуется уникальное собрание Литературного музея Пушкинского Дома (РАН) в Санкт-Петербурге. Одно из крупнейших в нашей стране, оно было сформировано в академическом музее, в котором с самого основания в 1905 г. кропотливо собирались мемориальные материалы, связанные с жизнью и деятельностью представителей русской литературы.

Именно в личных фондах писателей и поэтов нередко сохранялись как реликвии дагеротипные снимки, запечатлевшие облик не только их самих, близких им людей, но и многих современных авторам личностей, вдохновлявших художников слова на создание замечательных произведений. Отечественную литературу «в лицах» демонстрируют ранние снимки на металле, являющиеся незаменимым иконографическим материалом для исследователей. А кроме того, они рассказывают о становлении портретного жанра в фотографии, дают представление о творческом своеобразии тех пионеров «светописи», которые работали в России.

Издание будет интересно специалистам гуманитарных знаний, музейным и архивным работникам, историкам фотографии, краеведам, а также многочисленным читателям, интересующимся отечественной культурой.

Е. Бархатова,
заведующая отделом эстампов РНБ

Preface

Implementing the National Program for preservation of photo documents in the collections of state repositories of the Russian Federation, the Museum and Exhibition Center ROSPHOTO for several years already has been working on a multi-volume consolidated catalog The Daguerreotype in Russia.

This publication is fully dedicated to unique images on metal captured in the camera obscura by means of the most ancient photographic process, which had been made public by L. J. M. Daguerre (1787–1851) in 1839 and held sway in photo studios worldwide from the 1840s through early 1860s. New technologies that eventually supplanted the labor-intensive and exacting daguerreotype allowed for multiple, and much cheaper, paper prints, thus condemning single-copy “Daguerre’s mirrors” to rapid oblivion. This is why those invaluable monuments of early photography, so popular in their time, had been forgotten for many years, while undergoing inevitable physical and chemical deterioration inflicted by time and harsh storage conditions.

The specialists at ROSPHOTO, alongside their colleagues from Russian museums, archives and libraries, methodically gleaned the metal plates from their collections and took all necessary measures for their restoration and conservation.

They also took upon themselves the introduction of this very important for Russian culture visual material to the scientific community.

This volume of the catalog features the unique daguerreotype collection—91 examples — of the Literary Museum (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg. This collection, one of the largest in our country, has been gathered in an academic museum established in 1905. Over the span of a century, the museum was collecting artifacts related to the lives and activities of Russian writers.

Personal archives of Russian poets and prose writers sometimes included daguerreotypes as mementos of their past, which depicted not only the writers themselves or their loved ones but also many of their contemporaries that inspired them in their literary work. Those early silver pictures, an invaluable iconographic material for researchers, show not only the “faces of Russian literature,” they also tell us a story of the development of photo portraiture as an art genre and give us an insight into the modi operandi of the pioneers of Russian photography.

The catalog will be of interest to specialists in humanities, museum workers and archivists, historians of photography, history enthusiasts, and to those who are passionate about Russian culture.

Е. Barkhatova,
Head of Engravings Section, Russian National Library

Сегодня традиционный интерес публики к фотографии — документу, представляющему собой достоверное и объективное свидетельство о прошлом, возрастает. Фотографическое наследие XIX–XX вв. справедливо считается явлением высокой художественной культуры. Этим обусловлено внимание издательств, музеев и галерей к фотографии как к самодостаточному предмету всестороннего и углубленного осмысления, как к объекту для показа в самых разных современных выставочных проектах.

В фондах Литературного музея ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН собрана богатейшая коллекция старой русской фотографии, а также фотографий, выполненных западноевропейскими мастерами. Она насчитывает около 40 000 снимков, дающих возможность проследить пути развития фотоискусства в России на протяжении многих десятилетий его существования. Пушкинский Дом располагает фотодокументами, связанными с выдающимися людьми. В своё время сюда поступили архивы видных деятелей литературы, культуры, искусства, науки, в составе которых были и собрания фотографий. Среди них — имеющие свою специфику коллекции из наследия Ф. М. Достоевского, Я. П. Полонского, А. Ф. Кони, С. А. Венгерова, П. И. Вейнберга, П. П. Гнедича, В. А. Рышкова, Л. Н. Андреева, А. А. Блока, А. Л. Волынского, Ф. Сологуба, Л. Б. Бертенсона, Ф. Ф. Фидлера, А. Ф. Онегина, семей Боткиных, Стасовых, Абамелек-Лазаревых, Раевских, Дашковых и многих других. Историческая и мемориальная ценность этих коллекций неоспорима. Однако, помимо этого, коллекция фотографий Литературного музея Пушкинского Дома важна как собрание работ больших фотохудожников, чьё творчество было настоящим

искусством. Во второй половине XIX в. творили многие мастера светописи. Можно выделить работы следующих знаменитых фотографов: патриарха отечественной фотографии С. Л. Левицкого, мастера художественного фотопортрета А. И. Денъера, популярнейшего московского мастера фотопортрета К. А. Бергнера, родоначальника знаменитой фотографической династии К. К. Буллы и др. Все они были талантливыми портретистами, изобретателями в области фототехники, обладателями высших наград всероссийских и европейских конкурсов и выставок.

Среди многих тысяч снимков несомненную ценность имеют те, которые знакомят с самым ранним способом фотографирования — дагеротипией. В большинстве своем это работы неизвестных авторов, запечатлевших с помощью светописи на металлических посеребренных пластинках изображения своих современников. В Пушкинском Доме хранится четвертая по величине коллекция в России — 91 дагеротип. Их частичная презентация состоялась в рамках выставки «Эпоха дагеротипа», проходившей в Государственном Эрмитаже в 2011 г. Среди них можно выделить уникальные снимки А. Давиньона, исполненные им в 1845 г. в Сибири с ссыльных декабристов, и выполненные неизвестными авторами редчайшие портреты К. П. Брюллова.

Издание сводного каталога дагерротипов, входящих в состав государственных фондов РФ, имеет исключительное значение для изучения российского фотографического наследия, которое позволяет по-новому взглянуть на русскую художественную культуру середины XIX в. и существенно обогащает знание отечественной истории.

Л. Агамальян,
заведующая Литературным музеем ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН

An increasing interest of the public worldwide in a photograph as an objective and trustworthy document from the past is in conspicuous evidence this day. The photographic heritage of the 19th — 20th centuries is being given its due as a phenomenon of great cultural value. This explains the attention displayed by publishers, museums and galleries to photography as a self-sufficient object of multilateral and profound contemplation and presentation in various contemporary exhibition projects.

The repositories of the Literary Museum of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House) have accumulated an enormous collection of old Russian photographs, as well as works of major Western photographers. It includes more than 40,000 items that give us the opportunity to follow the development of Russian photographic art over the decades of its existence. Pushkin House holds cases and cases of documents related to many prominent public figures of Russian social life. At different times over the span of its history, the Museum acquired archives of famous Russian writers, artists, scientists, which, inter alia, contained collections of photographs. Among those are the unique collections that added considerably to the legacies of F. M. Dostoevsky, Y. P. Polonsky, A. F. Koni, S. A. Vengerov, P. I. Weinberg, P. P. Gnedich, V. A. Ryshkov, L. N. Andreev, A. A. Blok, A. L. Volynsky, F. Sologub, L. B. Bertenson, F. F. Fidler, A. F. Onegin, the Botkin, Stasov, Abamelek-Lazarev, Raevsky, Dashkov families, and many others. Their historical and memorial value is undeniable. But there is still another angle to it. The photo collections of Pushkin House are important as collections of works of great photographers who transformed a technical process into art.

The second half of the 19th century could boast of many masters of photography. To name just a few operating in Russia, we should start with a patriarch of Russian photography, S. L. Levitsky; there were H. Denier, a real artist of photo portrait, and very popular with the Moscow public photo portraitist K. A. Berger; there was K. K. Bulla, founder of a whole dynasty of photographers, and many others. All of them were very talented portraitists and inventors, who dramatically improved the photographic process and received prestigious awards at domestically and internationally acclaimed exhibitions.

Amidst thousands and thousands of photographs held at Pushkin House, the most valuable are those that familiarize us with the earliest (commercially viable) photographic process, the daguerreotype. Most of them are made by unknown photographers who recorded on metal plates images of their contemporaries. Pushkin House owns a large collection of daguerreotypes—91 items, fourth in Russia. A part of it had already been presented to the public within the framework of the exhibition Era of the Daguerreotype, held at the State Hermitage in 2011. Among its exhibits, there were unique daguerreotypes made by A. Davignon in Siberia in 1845, portraits of exiled Decembrists. And it also showed such rarities as portraits of K. P. Bryullov made by unidentified photographers.

The publication of a “consolidated catalog of daguerreotypes in state repositories of the Russian Federation” is very important for studying Russian photographic heritage. It opens a new perspective on Russian artistic culture of the mid-19th century and significantly adds to the knowledge base in the field of Russian history.

L. Agamalian,
Head of the Literary Museum at Pushkin House

В. ЛОГИНОВА

Коллекция Пушкинского Дома

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке,

Это — древний сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.
<...>
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук...

А. А. Блок
1921¹

Возникновение Пушкинского Дома — единственного в своём роде учреждения, которое изначально мыслилось его основателями не только как памятник великому поэту, но и как академический центр собирания, хранения и изучения русской «изящной словесности», было связано с юбилеем 1899 г., когда отмечалось столетие со дня рождения А. С. Пушкина. 28 октября 1898 г. при Академии наук была создана «Комиссия по устройству чествования столетия со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина».

В неё, под председательством президента Академии наук великого князя Константина Константиновича, вошли выдающиеся деятели русской науки, искусства и культуры: вице-президент Академии Л. Н. Майков, академики А. Н. Веселовский, М. И. Сухомлинов, А. А. Шахматов, судебный деятель А. Ф. Кони, художник М. Я. Виллие, композитор Н. А. Римский-Корсаков, писатель Д. В. Григорович, поэт К. К. Случевский, театральный деятель И. А. Всеволожский, издатель «Нового времени» А. С. Суворин и др.

В начале 1899 г. великий князь возглавил еще одну Комиссию — по сооружению памятника А. С. Пушкину в Петербурге.

Один из пунктов программы чествования памяти Пушкина, выработанных Комиссией, гласил: «С 15-го по 26-ое мая в большом конференц-зале Академии наук имеет быть открыта выставка предметов, принадлежащих Пушкину, его рукописей, изданий его сочинений и проч.»²

Руководил устройством выставки вице-президент Академии наук Л. Н. Майков, а сбором материалов и собственно организацией выставки занимался недавний выпускник юридического факультета Петербургского университета, младший письмоводитель Конференции Академии наук Б. Л. Модзалевский, в будущем один из инициаторов создания и организаторов Пушкинского Дома, который с 1 июля 1919 г. и до конца жизни был его старшим учёным хранителем.

На выставку было собрано от различных учреждений, а более — от частных лиц около 800 экспонатов: автографы

1. Великий князь Константин Константинович. Фотография Е. Л. Мрозовской. СПб., 1898
Grand Duke Konstantin Konstantinovich. Photo by E. L. Mrozovskaya. St. Petersburg, 1898

2. А. А. Блок. Фотография М. С. Наппельбаума. 1921
A. A. Blok. Photo by M. S. Nappelbaum. 1921

3. Заседание в Академии наук членов Комиссии по устройству чествования столетия со дня рождения А. С. Пушкина под председательством великого князя Константина Константиновича. Слева направо академики: М. И. Сухомлинов, А. А. Шахматов, А. Ф. Бычков, Л. Н. Майков, А. Н. Пыпин и А. Н. Веселовский. С фотографии Е. Л. Мрозовской. СПб., 1898–1899

A Meeting at the Academy of Sciences of the Organizing Commission for Commemoration of the 100th Birthday of A. S. Pushkin, presided by the Grand Duke Konstantin Konstantinovich. From left, Academicians M. I. Sukhomlinov, A. A. Shakhmatov, A. F. Bychkov, L. N. Maykov, A. N. Pypin, and A. N. Veselovsky. From Photo by E. L. Mrozovskaya. St. Petersburg, 1898–1899

4

5

6

7

4. Л. Н. Майков. Фотография А. И. Денъера. СПб., 1880-е
L. N. Maykov. Photo by H. J. Denier. St. Petersburg, 1880s

5. Б. Л. Модзалевский. Фотография А. Фохта. Павловск, 1900
B. L. Modzalevsky. Photo by A. Focht. Pavlovsk, 1900

6. В. А. Рышков, Б. Л. Модзалевский и Е. П. Казанович. Фотография. 1909
V. A. Ryshkov, B. L. Modzalevsky and E. P. Kazanovich. Photograph. 1909

7. Фрагмент юбилейной пушкинской выставки в Академии наук.
Фотография А. А. Насветевича. СПб., 1899
Pushkin's Centennial Exhibition at the Academy of Sciences. Detail. Photo by
A. A. Nasveteich. St. Petersburg, 1899

Пушкина, прижизненные издания его произведений и иллюстрации к ним, портреты самого поэта, а также его родных и современников, виды пушкинских мест, памятные вещи и др.

Огромный разнообразный материал выставки, собранный воедино, произвёл столь сильное впечатление, что у организаторов тогда же возникла мысль, так или иначе сохранить все экспонаты и не дать им вновь разойтись по рукам.

К сожалению, сразу этого сделать не удалось. Но идея создания единого хранилища рукописей, книг, иконографии Пушкина с течением времени крепла и развивалась.

«15 декабря 1905, СПб. Чудный, памятный день в истории русской культуры! ... Сегодня решен „Дом Пушкина“. В 2 часа состоялось заседание Комиссии в Мраморном дворце, а в 5 ч. я и Б. Л. Модзалевский приехали в Канцелярию конференции, чтобы узнать у Ольденбурга [непременный секретарь Академии наук] результат заседания. <...> Идея „Дома Пушкина“ была принята окончательно! Поздравляю мыслящую Россию с этим громадным приобретением!»³ (Из дневника В. А. Рышкова, делопроизводителя Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге, одного из деятельных сторонников идеи Пушкинского Дома.)

14 июля 1907 г. было утверждено представленное на рассмотрение Конференции Академии наук «Положение о Пушкинском Доме».

«Первый пункт означенного Положения говорил о том, что Пушкинский Дом учреждается в благоговейную память о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине для собирания всего, что касается его как писателя и человека. Вторым пунктом предусматривалось собирание и хранение Пушкинским Домом всего, что касается жизни и деятельности всех других представителей русской изящной словесности»⁴.

Как вспоминала Е. П. Казанович «... Ещё до высочайшего утверждения Положения, начали притекать пожертвования, состоявшие — кроме денег — главным образом из бумаг, писем, портретов, рукописей, книг и прочих музейных предметов. Они складывались по мере накопления в ящики, запечатывались и хранились в стенах Академии до более благоприятного времени»⁵.

Первым приобретением Пушкинского Дома 1906 г., ещё до его официального основания, стала библиотека Пушкина, хранившаяся в подмосковном имении у внука поэта. Подробное библиографическое описание её было составлено Б. Л. Модзалевским и вышло в свет в 1910 г.

Но в начале своего существования Пушкинский Дом не имел собственного помещения «... и большое, всё растущее <...> имущество Пушкинского Дома было раскидано по разным местам главного здания Академии наук, начиная с площадки парадной

лестницы. <...> Но самым замечательным и характерным был Большой конференц-зал, всецело отданный Пушкинскому Дому. Здесь были собраны все его коллекции, все ещё не разобранные рукописные, музейные и книжные фонды; здесь сидели почти все сотрудники. <...> Множество шкафов, шкафчиков, секретеров, бюро, полок с картонными коробками образовывали запутанную сеть, а между ними стояли в разных местах письменные столы сотрудников. В дальнем углу зала из тех же шкафов и полок был устроен особый «закуток», служивший кабинетом и рабочим местом Нестору Александровичу Котляревскому. Здесь он работал — всегда в своём неизменном широком тёмно-синем халате, разбирал коллекции гравюр, литографий, портретов и иллюстраций, систематизируя их и определяя. <...> За другим столом — Варвара Дмитриевна Комарова, рожд. Стасова (дочь Дмитрия Васильевича и племянница Владимира Васильевича Стасовых), жена генерала от инфантерии старой армии, уже в отставке, сама же известная писательница и исследовательница, лугишский биограф и знаток творчества Жорж Санд, издавшая под псевдонимом Владимир Каренин четырёхтомную биографию её на французском языке, удостоенную премии Французской Академии. <...> Она была несколько гордой и сухой на вид, носила «*rinse-pez*» или держала в руках лорнетку и вызывала у нас, молодых сотрудников, чувство большого погтения с долей дружеской иронии. Со всеми была предупредительна и любезна. <...> Она принесла в дар Пушкинскому Дому громадный архив Стасовых и усердно занималась его разборкой и описанием»⁶.

Обширный и многообразный архив Стасовых, поступивший в Пушкинский Дом в 1918 г., помимо материалов, относящихся к жизни и деятельности членов большой семьи, в том числе самой дарительницы архива Варвары Дмитриевны (с 1919 по 1932 г. состояла сотрудницей Пушкинского Дома), содержит богатейшее собрание фотографий. Это портреты членов семейства Стасовых нескольких поколений, их друзей, знакомых и видных деятелей искусства, на протяжении многих лет входивших в круг общения Стасовых.

Среди более двухсот фотографий архива — редкие снимки 1850-х гг., раскрашенные акварелью, ранние фотографии начала 1860-х гг. и шесть дагеротипов разной степени сохранности. За исключением портрета Дмитрия Васильевича Стасова, выполненного в 1847–1848 гг., вскоре после окончания им Училища правоведения, (Кат. 39), все дагеротипы датируются началом 1850-х гг. Это портреты главы семьи В. П. Стасова (Кат. 37) и его старшего сына Н. В. Стасова (Кат. 38), Василия Матвеевича Кларка

8. Главное здание Академии наук. Здесь в 1913–1922 размещался Пушкинский Дом. Фотография. СПб., 1925
Main Building of the Academy of Sciences. Home of Pushkin House from 1913 to 1922. Photograph. St. Petersburg, 1925

8

11

12

9

10

9. Кабинет великого князя Константина Константиновича в Мраморном дворце. Здесь 15 декабря 1905 г. в заседании Комиссии по постройке памятника А. С. Пушкину в Петербурге было принято решение о создании Пушкинского Дома. Фотография К. К. Буллы. СПб., 1900-е
Grand Duke Konstantin Konstantinovich's Study at the Marble Palace. Here, on December 15, 1905, the Commission for erection of monument to A. S. Pushkin came up with the idea of establishing Pushkin House. Photo by K. K. Bulla. St. Petersburg, 1900s

10. Фонды и «рабочие кабинеты» сотрудников Пушкинского Дома в Большом конференц-зале Академии наук. Фотография. СПб., 1920–1922
Pushkin House's Archives and "Offices" in the Great Conference Hall at the Academy of Sciences. Photograph. St. Petersburg, 1920–1922

13

14

11. В. Д. Комарова-Стасова. Фотография О. Парли. Псков, 1904
V.D. Komarova-Stasova. Photo by O. Parly. Pskov, 1904

12. М. М. Стасова (урожд. Кларк), жена Н. В. Стасова с дочерьми — Марией, Ольгой и Софией. Фотография. 1863
M. M. Stasova (née Clark), Wife of N. V. Stasov, with Daughters, Maria, Olga, and Sofia. Photograph. 1863

13. В. Д. Стасова с мужем В. В. Комаровым. Фотография К. И. Бергамаско. СПб., 1882
V.D. Stasova with Her Husband, V.V. Komarov. Photo by K. I. Bergamasco. St. Petersburg, 1882

14. Д. В. Стасов. Фотография А. Диздери. Париж, начало 1860-х
D.V. Stasov. Photo by A. Disdery. Paris, early 1860s

15

16

15. Баронесса Е. Н. Вревская (урожд. Вульф).
Фотография. 1860-е
Baroness E. N. Vrevskaya (née Wolfe).
Photograph. 1860s

16. Барон Б. А. Вревский, единокровный брат
М. Н. Сердобина. Фотография. 1860-е
Baron B. A. Vrevsky, Brother of M. N. Serdobin.
Photograph. 1860s

(Кат. 51), мужа Софьи Васильевны Стасовой, их сына Володи на смертном одре (Кат. 52) и Степана Андреевича Кузнецова (Кат. 40), отца Поликсены Степановны, жены Дмитрия Васильевича Стасова.

Многими ценными пожертвованиями Пушкинский Дом обязан баронессе Софье Борисовне Вревской, последней владелице Тригорского, дочери барона Бориса Александровича Вревского и Евпраксии Николаевны Вульф, близкой приятельницы и соседки Пушкина по псковскому имению.

В 1911 г. от неё поступили печатные экземпляры 4-й и 5-й глав «Евгения Онегина» с надписью Пушкина: «Евпраксии Николаевне Вульф от автора. Твоя от Твоих. 28 февраля 1828 г.» Он посвятил ей стихотворения «Если жизнь тебя обманет» и «Вот, Зина, вам совет: играйте», а также несколько шуточных строк в «Евгении Онегине».

В 1913 г. Софья Борисовна принесла в дар Пушкинскому Дому библиотеку села Тригорского, книгами которой пользовался Пушкин.

От неё же поступили редкие дагеротипные портреты 1840-х гг. баронов Шенигов (Кат. 48, 49, 50), а также портрет барона М. И. Сердобина с женой О. П. Сердобиной (Кат. 64). К сожалению, все дагеротипы, хранившиеся в семье Вревских, в очень плохом состоянии — размонтированы, без стекол, подвергались механическому воздействию. Изображение на двой-

ном портрете Сердобиных, представлявшем собой иконографическую редкость, почти полностью утрачено.

В 1915 г. Ольга Петровна Павлищева, вдова племянника А. С. Пушкина Льва Николаевича Павлищева, пожертвовала Пушкинскому Дому семейный архив, в составе которого, скорее всего, поступил и дагеротипный портрет Льва Николаевича — гимназиста, выполненный в варшавском ателье Кароля Бейера в середине 1840-х гг. (Кат. 71).

Год спустя Пушкинский Дом приобрёл архив редакции журнала «Вестник Европы», представляющий огромную историко-культурную ценность. Кроме многочисленных документов, относящихся к жизни и деятельности сотрудников журнала за 47 лет его существования, он содержал также личный архив издателя журнала Михаила Матвеевича Стасюлевича, находившегося в сношениях почти со всеми видными представителями русской литературы своего времени. Среди фотографий личного архива Михаила Матвеевича сохранился дагеротип работы Иосифа Венингера 1847 г., на котором он запечатлен выпускником филологического отделения философского факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (Кат. 74).

А. Ф. Кони, тесные дружеские отношения которого с М. М. Стасюлевичем были скреплены многолетним сотрудничеством в «Вестнике Европы», так вспоминал о своём товарище: «Его наружная сдержанность, в связи с редкою, столь не-

обычно в наше время вежливостью, создала ему, среди не знавших его близко, репутацию душевной сухости.

А между тем этот „холодно корректный“ и „застѣнутый на все пуговицы“ человек, строго аккуратный и вечно занятый, никогда не имевший времени на „пустопорожние“ разговоры — преображался весь и становился отзывчивым, когда перед ним возникала действительная потребность в помощи, сочувствии, добром слове, а нередко и добром деле, которое он умел делать так, что оно было слышно и видно лишь для того, кого оно касалось. Но желавший поговорить просто для того, чтобы „убить время“, — встречал в нём холодный отпор скучающего молчания. Он, подобно многим, поставленным в такое положение, по-своему глубоко сочувствовал словам Чехова в „Доме с мезонином“: „сотни верст пустынной, однообразной, выгоревшей степи не могут загнать такого уныния, как один человек, когда он сидит, бездельно говорит и неизвестно, когда он уйдёт“ ...

«...» Он умел не растогать своего времени попусту и не придавать никакой цены так называемым „добрым малым“. На мой отзыв о ком-то, с прибавкой такого эпитета, он сказал мне однажды: „знаете ли — я убедился в жизни, что эти добрые малые на практике обыкновенно оказываются мало добрыми“ <...>. Мнение о гѣрцовости Стасюлевича было так же неосновательно, как представление о нём, как о крайнем радикале и „красном“. Последний эпитет, одно время щедро раздававшийся по отношению ко всем, кто решался „сметъ своё суждение иметь“ <...> был, впрочем, в одном отношении справедлив: Стасюлевич до конца своих дней сохранил способность краснеть... за других»⁷.

В том же 1916 г. Пушкинский Дом обогатился ценнейшей библиотекой и архивом известного библиофила и библиографа М. Н. Лонгинова, благодаря щедрому дару его дочери княгини А. М. Козловской, последней владелицы подмосковного имения Ивановское-Козловское. Но из-за начавшейся революции книги и материалы архива, хранившиеся в имении и московском доме княгини, попали по назначению только в 1920 г.

Е. П. Казанович писала в своём дневнике: «1920 г. 9 июля. Едем с Гофманом [Модест Людвигович, сотрудник Пушкинского Дома, угѣн. хранитель рукописей] за библиотекой Лонгинова. <...> Как же не безумие пытаться вывезти из имения, на расстоянии 23 вѣрст от станции, в самую горячую деревенскую пору, при отсутствии укрестьян лошадей, при недостатке людей, библиотеку в 17 000 томов погнми.

18 июля. Ивановское. Чудесный старый дом, чудесная библиотека, чудесная старая мебель, екатерининская, етpиге, жакоб, чудесный фарфор, хрусталь, словом — всё чудесное, облигающее

большой художественный вкус и высокую культуpность хозяев. Каким-то чудом дом до сих пор уцелел и погни не разграблен... <...>

29 июля. Tour de Force совершѣн; с моей стороны все было готово <...> груз довели аккуратно, вагон нагpузили благополучно, и я отдыхаю в Москве после горячих объѣздов, лобызаний и бездны взаимных любезностей с А. М. Козловской, которая казалась искренно растроганной всеми знаками внимания, оказанными ей представителями Пушкинского Дома. Завтра, если удастся пройти здесь по всем неизбежным мукам, еду в Петербург. Полугу ли паек, или он пропал по слугаю моего опоздания! Еще удовольствие — сапоги и платье за эту поездку — вдребезги. О, Пушкинский Дом, тем не жертвовала я для тебя! Так о сапогах ли думать!»⁸

В составе семейного архива Левшинных-Лонгиновых поступили редкие фотографии 1850-х — начала 1860-х гг. и два дагеротипа московского мастера Иосифа Пейшеса 1850-х гг. Это портреты родных сестер матери дарительницы Александры Дмитриевны Лонгиновой (урожд. Левшиной) — Софьи Дмитриевны Полторацкой (Кат. 53) и Натальи Дмитриевны Черкасовой. (Кат. 54).

Особого упоминания заслуживают два уникальных дагеротипа. Это портреты К. П. Брюллова — единственные, дошедшие до нашего времени фотографические изображения художника (Кат. 24, 25). Дагеротип, выполненный в 1845 г. неизвестным дагеротипистом, хранился в семье М. И. Железнова, ученика К. П. Брюллова, автора воспоминаний о нём, который неотлучно находился при учителе в последние годы его жизни. С этого дагеротипа гравером В. В. Матэ был выполнен офорт и воспроизведѣн фототипически на программе Торжественного собрания, посвящённого памяти художника, состоявшегося 12 декабря 1899 г. в Императорской академии художеств. Пушкинскому Дому дагеротип (это была пластина без стекла и паспарту, почти утратившая изображение) в 1916 г. пожертвовала дочь М. И. Железнова — Ольга Михайловна Железнова. После реставрации, которую выполнила в 1987 г. сотрудница Государственного Исторического музея Н. М. Гарбар, дагеротип вновь обрѣл изображение и получил вторую жизнь.

В 1900 г. историк литературы и библиограф И. А. Кубасов (1875–1937; с 1919 г. сотрудник Пушкинского Дома) опубликовал переписку братьев Карла, Александра и Фѣдора Брюлловых под общим названием «Архив Брюлловых», под которым они печатались на страницах журнала «Русская старина». К изданию был приложен портрет К. П. Брюллова, выполненный в гравюре на дереве И. И. Хелмицким по дагеротипу середины 1840-х гг. В предисловии к изданию И. А. Кубасов писал, что

17

18

17. М. М. Стасюлевич. Фотография К. И. Бергамаско. СПб., начало 1860-х
M. M. Stasyulevich. Photo by K. I. Bergamasco. St. Petersburg, early 1860s

18. М. М. Стасюлевич. Фотография А. Оцупа. СПб., 1900-е (Кат. № 74)
M. M. Stasyulevich. Photo by A. Otsup. St. Petersburg, 1900s (Cat. No. 74)

21

22

21. А. Д. Лонгинова (урожд. Левшина), мать А. М. Козловской, жена М. Н. Лонгинова. Фотография. Начало 1860-х
A. D. Longinova (née Levshina), A. M. Kozlovskaya's Mother and Wife of M. N. Longinov. Photograph. Early 1860s

22. В. Я. Левшина (урожд. кн. Грузинская), бабушка А. М. Козловской. Фотография. 1850-е
V. Y. Levshina (née Princess Gruzinskaya), A. M. Kozlovskaya's Grandmother. Photograph. 1850s

23. А. М. Козловская. Фотография Ф. Вианелли. Венеция, 1880-е
A. M. Kozlovskaya. Photo by F. Vianelli. Venice, 1880s

23

19

20

19. Л. Н. Павлишев. Фотография Б. Флакса. СПб., 1890-е (Кат. № 71)
L. N. Pavlishchev. Photo by B. Flax. St. Petersburg, 1890s (Cat. No. 71)

20. О. П. Павлишева. Фотография Б. Флакса. СПб., 1890-е
O. P. Pavlishcheva. Photo by B. Flax. St. Petersburg, 1890s

24. Типография журнала «Вестник Европы», принадлежавшая М. М. Стасюлевичу, была одной из самых производительных в Петербурге. Располагалась в особняке на 5-й линии В. О., 28, приобретённом издателем в конце 1880-х.

Фотография. 1890-е

The Vestnik Evropy printing press, owned by M. M. Stasyulevich, was one of the busiest in St. Petersburg. It occupied a mansion at 28 5 th Line of Vasilievsky Ostrov, acquired by the publisher at the end of the 1880s. Photograph. 1890s

оригинал портрета, предоставленного для книги и с которого была выполнена гравюра, принадлежал Александру Петровичу Соколову (1829–1913) — художнику, действительному члену Императорской академии художеств, сыну художника-акварелиста П. Ф. Соколова и Ю. П. Соколовой, сестры К. П. Брюллова. Несомненно, что дагеротип поступил в Пушкинский Дом из семьи А. П. Соколова.

Писатель Д. В. Григорович, который недолгое время учился в Академии художеств, вспоминал: «В то время вся Академия фанатически была увлечена Брюлловым; он сосредоточивал на себе все внимание, ни о чём больше не говорили, как о нём. Все академисты, от мала до велика, горели одним желанием: попасть в ученики к Брюллову <...> Я был от Брюллова в экстазе и также мечтал попасть к нему в ученики <...>. Встретая в коридорах Академии Брюллова, всегда сопровождаемого учениками, я замирал, руки мои холодели, язык прилипал к гортани. Наружность его не имела, однако же, ничего внушительного: он был маленького роста, толстый, с выдающимся животом, на коротеньких ножках; серые глазки его, окружённые припухшими красными веками, смотрели насмешливо; лоб его совершенно прямой, отвесный, украшался белокурыми кудрями; он постоянно носил серую коротенькую жакетку, придававшую его круглой маленькой фигуре довольно комический вид; но таково уже было тогда настроение, что все казалось в нём прекрасным, даже величественным; многие уверяли,

что наружность Брюллова, особенно голова с её кудрями, близко напоминает по своему характеру Зевса Олимпийского»⁹.

Художник А. Н. Мокрицкий, один из учеников К. П. Брюллова, видел своего учителя иначе, чем Д. В. Григорович: «Небольшой рост его заключал в себе атлетические формы: эта широкая и высокая грудь, эти мощные плечи и при них маленькие оконечности прекрасной формы — не говорю уже о его прекрасной голове <...> невольно обращали на себя внимание всякого. Взгляните на его тело: не узнаете ли в нём форм великого тела Юпитера Олимпийского? Его глаза с сильно развитыми зрачками, с дугообразными над ними веками, склоненными к наружному углу; подбородок и задняя часть головы в профиль, самое даже расположение кудрявых волос напоминают голову Аполлона Бельведерского. А какая красота рта! Эти превосходно нарисованные губы, которые, когда он говорил, рисовались изящными линиями. Я не знаю мужского лица прекраснее его; для меня он был красавец; но красота его была мужественная, с выражением ума, проницательности, гениальности»¹⁰.

В годы революций и разрухи немногочисленные сотрудники Пушкинского Дома спасли от разграбления и гибели многие бесценные коллекции. В марте 1917 г. были спасены два больших собрания — Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище и первого в стране Пушкинского музея, созданного в стенах Императорского Александровского

лицея его воспитанниками. Императорский лицей, открытие которого состоялось 19 октября 1811 г., тридцать три года находился в Царском Селе. В 1843 г. он, в память императора Александра I, был переименован в Александровский, переведён в Петербург и разместился в здании Александринского сиротского дома на Каменноостровском проспекте. Воспитанники Александровского лицея сохраняли верность традициям своих царскосельских предшественников. Обязательно отмечались памятные лицейские даты, в том числе 19 октября — день открытия лицея. Автограф стихотворения Пушкина «19 октября 1825 года», написанного им в дни михайловской ссылки, преподнёс Лицею 2 марта 1855 г. товарищ поэта, лицеист знаменитого первого выпуска М. Л. Яковлев.

В 1911 г. в Императорском Александровском лицее проходили торжества по случаю его столетнего юбилея. Воспитанник LXIX курса князь Олег Константинович — сын великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук и августейшего поэта к столетнему юбилею Лицея осуществил факсимильное издание семнадцати стихотворных произведений поэта «Рукописи Пушкина. I. Автографы Пушкинского музея Императорского Александровского лицея. Выпуск I», вышедшее в первой половине 1912 г. и встретившее благожелательное внимание критиков. Издание второго выпуска, в который предполагалось включить прозаические произведения Пушкина и над которым уже началась работа, осуществить не удалось. Князь Олег Константинович погиб в самом начале Первой мировой войны, не дожив до 22 лет. Последняя дневниковая запись князя Олега, сделанная в Петрограде 20–22 июля 1914 г.: «Мы, все пять братьев, идём на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту царская семья держит себя на высоте положения. Пишу и подтёркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне»¹¹.

После упразднения Лицея с инициативой передачи материалов музея в Пушкинский Дом выступил его заведующий П. Е. Рейнбот, выпускник XXXV курса. О событиях этих тревожных дней писал Б. Л. Модзалевский Н. А. Котляревскому 4 марта 1917 г.: «Дорогой Нестор Александрович, сейчас звонил мне П. Е. Рейнбот и сообщил, что судьбы Лицея сейчас решаются, что возник вопрос о судьбе Пушкинского лицейского музея, который надо спасти сегодня-завтра. Он спрашивает меня, примет ли Академия его теперь же, так как он, Рейнбот, с согласия других, принял решение передать Музей Пушкинскому Дому»¹².

Пушкинский лицейский музей практически полностью перешёл в Пушкинский Дом с бесценной коллекцией автографов ранних произведений Пушкина, беловым автографом «Кавказского пленника», отрывками из «Евгения Онегина», черновиками и беловыми автографами писем поэта современникам, а также многими другими материалами. В музее Пушкинского Дома хранятся фотографии преподавателей и воспитанников Лицея, в том числе двенадцать дагеротипов разной степени сохранности, большая часть которых почти полностью утратила изображение (Кат. 11–20). В 1853 г. учащиеся XXII курса поднесли бывшему директору Лицея, генерал-лейтенанту Дмитрию Богдановичу Броневскому, «при оставлении им должности директора» папку с семнадцатью копиями дагеротипных групп и портретов. Хорошо сохранившиеся оригиналы двух из них вошли в состав коллекции дагеротипов из Пушкинского лицейского музея (Кат. 19, 20).

Об одной из интереснейших страниц в истории Пушкинского Дома — спасении ценнейшего архива, по слышанным рассказам участников, писал в своих воспоминаниях заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома Н. В. Измайлов: «В разгар февральской революции 1917 года — 27 или 28 февраля ст. стиля — нагалься пожар в доме на углу Фонтанки и Пантелеймоновской улицы (ныне ул. Пестеля), где помещалось когда-то III Отделение, а потом — Штаб корпуса жандармов. Пригину пожара, — конетно, поджог. Это и понятно: много было людей, желавших уничтожения архива Департамента полиции со списками тайных агентов, ведомостями на жалованье филерам и прочими опасными для них документами. <...> Кто-то из друзей Пушкинского Дома, случайно став свидетелем разгрома или поджога Департамента полиции <...> прибежал — буквально, так как никакого транспорта в те дни не было — в Академию наук и сообщил о том, что видел Н. А. Котляревскому и Б. Л. Модзалевскому. Те достали лошадей с санями — что в тот момент было очень нелегко — созвали нескольких близких людей, и все вместе отправились на место пожара. <...> Им помогли некоторые служащие Академии наук, студенты университета и проч. Вся эта „бригада“ проникла в то крыло здания, где хранился исторический архив и куда пожар еще не достиг, и стали вытаскивать во двор связки дел III Отделения. Их грузили на подводы и отправляли в Академию, где сложили сначала на лестнице, а потом перенесли в Большой конференц-зал»¹³.

Вместе с архивом были спасены находившиеся в III отделении дагеротипные портреты декабристов Н. А. Панова, И. В. Поджою, С. Г. Волконского и детей последнего,

25

26

27

25. За чтением «Лицейского журнала». Фотография. 1904
Reading The Lyceum Journal. Photograph. 1904

26. Депутация воспитанников Лицея на закладке памятника Пушкину работы Р. Р. Баха в саду бывшего Царское-Сельского лицея 26 мая 1899. Слева направо: Н. М. Крупенский (LVI к. II кл.), кн. Вяземский (LIII к. I кл.), Б. Е. Бюцов (LVI к. II кл.), Е. Л. Шмаков (LVI к. II кл.), Н. С. Хрипунов (LVI к. II кл.), В. В. Ионов (LVI к. III кл.). Фотография ателье «К. Е. фон Ган и К^о». Царское Село, 1899. Открытие памятника состоялось 15 октября 1900 года. Средства на его создание собирались по подписке, организованной среди жителей Царского Села

Group of the Lyceum's Graduates at the Groundbreaking of the Monument to A. S. Pushkin by R. R. Bach in the Garden of the Former Tsarskoe-Selo Lyceum, May 26, 1899. From left, N. M. Krupensky (Class LVI/II), Prince Viazemsky (Class LIII/I), B. E. Biutsov (Class LVI/II), E. L. Shmakov (Class LVI/II), N. S. Hripunov (Class LVI/II), V. V. Ionov (Class LVI/III). Photo by C. E. von Han & Co. Tsarskoe Selo, 1899. The monument was opened on October 15, 1900. It was funded by a subscription circulated among the residents of Tsarskoe Selo

27. Лицейский спектакль. Фотография. 1900-е
A Performance at the Lyceum. Photograph. 1900s

28. Слева направо: С. А. Аксаков, Н. А. Аксаков, М. И. Гаврилов, А. Л. Соколовский, К. А. Висковатов. Фотография. 1853. Копия с дагеротипа (Кат. № 20)
From left: S. A. Aksakov, N. A. Aksakov, M. I. Gavrilov, A. L. Sokolovsky, K. A. Viskovatov. Photograph. 1853. Copy from a daguerreotype (Cat. No. 20)

29. Слева направо: В. А. Рихтер, А. А. Гревениц, Н. П. Долгово-Сабуров, А. А. Черкасов, В. Н. Николаев, И. Е. Новосильцов. Фотография. 1853. Копия с дагеротипа (Кат. № 19)
From left: V. A. Richter, A. A. Grevenitz, N. P. Dolgovo-Saburov, A. A. Cherkasov, V. N. Nikolaev, I. E. Novosiltsov. Photograph. 1853. Copy from a daguerreotype (Cat. No. 19)

выполненные в 1845 г. в Иркутске французским подданным Альфредом Давиньоном, владельцем одного из первых дагеротипных заведений Петербурга, и изъятые при пересылке родным (Кат. 3–9).

«Ш»⁴.

Мария Николаевна Волконская, обращаясь к сыну, так начинает свои записки: «Миша мой, — ты меня просишь записать рассказы, которыми я развлекала тебя и Нелли в дни вашего детства <...> описание нашей жизни в Сибири может иметь значение только для тебя как сына изгнанника; для тебя и буду писать, для твоей сестры и для Серёжи [сын Е. С. Волконской-Молгановой], с условием, чтобы эти воспоминания не сообщались никому, кроме твоих детей, когда они у тебя будут; они прижмутся к тебе, широко раскрывая глаза при рассказах о наших лишениях и страданиях, с которыми, однако же, мы свыклись настолько, что сумели быть и веселы и даже счастливы в изгнании»⁵.

С воспоминаниями своей матери Михаил Сергеевич Волконский познакомил Н. А. Некрасова, с которым был дружен многие годы. Они послужили основным источником для создания поэтом второй части поэмы «Русские женщины», а рассказы Михаила Сергеевича об отце легли в основу его поэмы «Дедушка».

«Записки княгини Марии Николаевны Волконской», написанные на французском языке и переведённые на русский её внучкой, княжной Марией Михайловной Волконской, впервые увидели свет в 1904 г, изданные в Петербурге её сыном.

«Старик Волконский — ему уже тогда было около 60 лет — слыл в Иркутске большим оригиналом. Попав в Сибирь, он как-то резко порвал связь со своим блестящим и знатным прошедшим, преобразился в хлопотливого и практического хозяина и именно опростился, как это принято называть нынче. С товарищами своими он хотя и был дружен, но в их кругу бывал редко, а больше водил дружбу с крестьянами; летом пропадал по целым дням на работах в поле, а зимой любимым его времяпрепровождением в городе было посещение базара, где он встречал много приятелей среди подгородных крестьян и любил с ними потолковать по душе о их нуждах и ходе хозяйства. Знавшие его горожане немало шокировались, когда, проходя в воскресенье от обедни по базару, видели, как князь, примостившись на облучке мужицкой телеги с наваленными хлебными мешками, ведет живой разговор с обступившими его мужиками, завтракая тут же вместе с ними краюхой серой пшеничной булки»⁶.

Живописные работы Н. А. Майкова и богатое собрание семейных фотографий, включающее шесть дагеротипов кон-

ца 1840-х — начала 1850-х гг., поступило Пушкинский Дом в 1919 г. в составе архива Майковых. Это портреты К. А. Майкова, (Кат. 36), Н. А. Майкова, (Кат. 32) и его жены Е. П. Майковой (Кат. 34) и их сыновей — Леонида, Валериана и Владимира (Кат. 31, 33, 35)

И. А. Гончаров, домашний учитель в семье Майковых, преподававший старшим сыновьям художника Аполлону и Валериану русскую словесность, поэтику и др., готовя их к поступлению в Императорский Санкт-Петербургский университет, писал о Н. А. Майкове: «Как человек, он был необыкновенно добрый, кроткой души, мягкого характера, любимый в семье, друзьями и всеми, кто только его знал. Он жил, как живут, или, если теперь уже не живут так, то как жилали артисты, думая больше всего об искусстве, любя его, занимаясь им, и почти ничем другим. Дом его <...> кипел жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусств. Молодые учёные, музыканты, живописцы, многие литераторы из круга тридцатых и сороковых годов — все толпились в необширных, неблестящих, но уютных залах его квартиры, и все, вместе с хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, где все учились друг у друга, размениваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусств. Старик Майков радовался до слёз всякому успеху и всех, не говоря уже о друзьях, в сфере интеллектуального или артистического труда, всякому движению вперёд во всём, что доступно было его уму и образованию. Трудно полнее и безупречнее, тише прожить жизнь, как прожил её Майков, в качестве сначала воина, потом артиста, наконец, просто человека»⁷.

«Валериан Майков вступил на поприще общественной деятельности в то время, когда другие сидят ещё на школьной скамье. Быстрым и ранним развитием своих прекрасных способностей он обязан был, во-первых, природе, которая так же щедро наделила его дарами своими, как и прочих, известных уже публике гениев его семейства; во-вторых, разумному, туждому застарелых, педантических форм первоначальному воспитанию, которое получил он в своём домашнем кругу <...> Он ловил знания всюду, на лету, в разговорах, потерпал из книг, и часто серьёзная мысль заставляла его в кругу приятельском. Он тут же легко и увлекательно развивал её и, обладая вполне даром слова, умел придать ей общую, всем доступную занимательность. <...> Ещё в ранней молодости В. Майков остротой и меткостью своих суждений о произведениях наук и искусств обнаруживал будущий критический талант. <...> В нём соединялись две не всегда уживающиеся вместе одинаково счастливые организации — головы и сердца. Ему так же лёгок

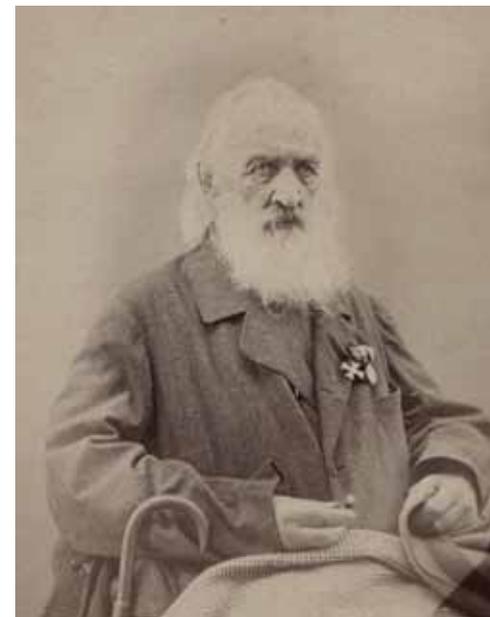
30

31

32

33

30. М. С. Волконский. Фотография С. Л. Левитского. Париж, 1860 (Кат. № 8)
M. S. Volkonsky. Photo by S. L. Levitsky. Paris, 1860 (Cat. No. 8)

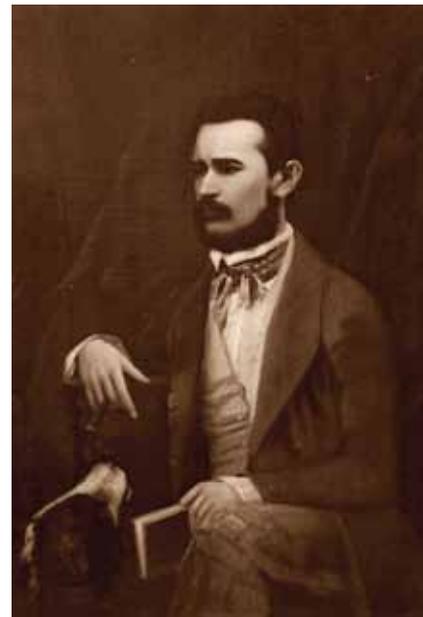
31. Е. С. Волконская. Фотография А. Диздери. Париж, 1860 (Кат. № 8)
E. S. Volkonskaya. Photo by A. Disdery. Paris, 1860 (Cat. No. 8)

32. М. Н. Волконская. Фотография. 1850-е
M. N. Volkonskaya. Photograph. 1850s

33. С. Г. Волконский. Фотография. Ницца, 1864 (Кат. № 4)
S. G. Volkonsky. Photograph. Nice, 1864 (Cat. No. 4)

34

35

36

34. Н. А. Майков. Фотография М. Б. Тулинова. Москва, 1863 (Кат. № 32, 34).

N. A. Maykov. Photo by M. B. Tulinov. Moscow, 1863 (Cat. No. 32, 34)

35. Вал. Н. Майков. Живописный портрет работы Н. А. Майкова. Конец 1840-х. Выполнен после трагической гибели сына по дагеротипу (Кат. № 34). С этого портрета был выполнен дагеротип Вал. Н. Майкова (Кат. № 31)

V. N. Maykov. Oil painting by N. A. Maykov. Late 1840s. Painted after a postmortem daguerreotype (Cat. No. 34) of his son. Another daguerreotype (Cat. No. 31) was taken from this painting

36. Л. Н. Майков. Фотография М. Н. Конарского. Москва, 1860-е (Кат. № 34)

L. N. Maykov. Photo by M. N. Konarsky. Moscow, 1860s (Cat. No. 34)

и доступен был путь к сердцу всякого, с кем судьба сталкивала его, как и дорога к знанию. <...> Нельзя думать, чтобы от его тонкого и наблюдательного ума ускользали недостатки человека, нет, но кротость и почти женская мягкость его сердца внушали ему удивительную терпимость и снисхождение к ним. Никогда и никто не слышал от него едкого и желтого отзыва, какого-нибудь резкого, решительного приговора не в пользу другого. Никто не замечал в нём враждебного расположения к кому-нибудь. <...> Мудрено ли, что он сразу вызывал у человека привязанность к себе, что этими редкими свойствами он приобрел себе многочисленных друзей и что смерть его поразила их как двойная утрата — умного, даровитого деятеля и доброго, нежного, благородного друга»¹⁸.

Сокурсник Леонида Майкова по историко-филологическому факультету Петербургского университета, сын писателя Н. А. Полевого, историк литературы Петр Николаевич Полевой вспоминал: «[Майков]... уже и в период самого большого разгара наших молодых увлечений, отличался удивительным спокойствием и ровностью темперамента, поразительно в юноше уравновешенностью и благоразумием... В то время, когда каждый из нас спешил избрать какую-нибудь специальность и погрязал в ней всецело, когда не избравшие специальности приходили в отчаяние и сокрушались преждевременно о своей непригодности, — Леонид один об этом не тревожился и заботился только о пополнении своего общего образования, и даже на студенческой скамье успел уже достигнуть в этой области блестящих результатов... Правда, ему много помогало то, что он вырос в доме, который, в своё время, служил одним из видных центров умственного и литературного движения в петербургском обществе, — в доме, который жил традициями цветущего времени Пушкинского периода, в стенах которого русская литература и русская наука издавна были ходячею монетою, интересом каждого дня. Наш Леонид воспитался и вырос под влиянием таких братьев, как Аполлон и Валериан, среди кружка, в котором Гонгаров и Григорович были всегдашними, а Тургенев не составлял диковинки. Тонко развитый, изящный вкус и такт, строгость критической оценки литературных произведений и осторожность в суждениях относительно явлений общественной жизни — все это были элементы, которые Леонид воспринял с юности, в которых он воспитался и вырос, и давало ему огромные преимущества перед всеми нами, членами небольшого кружка... Но к этим преимуществам многие добавляли и личные свойства нашего Леонида: спокойный, наблюдательный ум, большая сила воли и настойчивость в преследовании намеченной цели, а главное — полное отсутствие склонности к каким бы то ни было увлечениям, каким бы то ни было крайностям. Уже

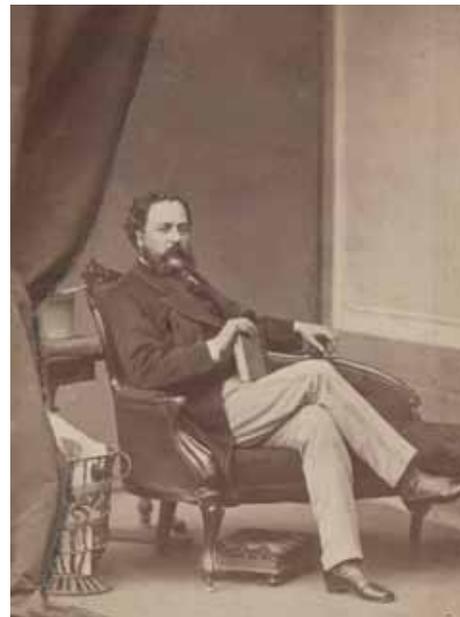
с самых молодых лет он обладал счастливым талантом примирять противоположные направления, сглаживать неровности и шероховатости отношений и выискивать в людях (с которыми по убеждениям не мог ни сойтись, ни сблизиться) их лучшие, их наиболее привлекательные стороны... Даже и в ту пору, когда мы все составляли одну дружную, тесно связанную товарищескую семью, он возвышался и преобладал над всеми нами именно этою своею большою нравственною силою, нравственною выдержкою и спокойствием...»¹⁹

Среди жертвователей нового академического учреждения был Н. П. Киселёв (1884–1965), видный ученый-книговед, издатель, многолетний сотрудник библиотеки московского Румянцевского музея (впоследствии Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина); внук московской приятельницы А. С. Пушкина Елизаветы Николаевны Ушаковой-Киселёвой, племянник её сына Алексея Сергеевича Киселева, женатого на дочери В. П. Бегичева — Марии Владимировне. Портрет юного В. П. Бегичева прекрасной сохранности работы неизвестного дагеротиписта начала 1850-х гг. (Кат. 65) и редкие фотографии из семейного архива Киселёвых, в том числе раскрашенную акварелью фотокопию конца 1850-х гг. вышеупомянутого дагеротипного портрета Бегичева, Николай Петрович в 1927 г. принёс в дар Пушкинскому Дому.

М. П. Чехов, брат писателя, вспоминал о жизни семейства Чеховых в 1885 г. в Бабкине на даче дочери В. П. Бегичева и её мужа А. С. Киселёва: «Семья Киселёвых была из тех редких семей, которые умели примирить традиции с высокой культурностью. Тесть А. С. Киселева, В. П. Бегичев, описанный Маркевичем в его романе „Четверть века назад“ под фамилией „Ашанин“, был необыкновенно увлекательный человек, тугий к искусству и литературе, и мы, братья Чеховы, по целым часам засиживались у него в его по-женски обставленной комнате и слушали, как он рассказывал нам о своих похождениях в России и за границей. Ему Антон Чехов обязан своими рассказами „Смерть гиновника“ (слушай, действительно происшедший в московском Большом театре) и „Володя“; „Налим“ также написан с натуры (действие происходило при постройке купальни); „Дочь Альбиона“ — всё окружение „бабкинское“ <...> Мария Владимировна была внучкой известного издателя, гуманиста-писателя Новикова, сама писала в журналах, была страстной рыболовкой и по целым часам простаивала с моим братом Антоном и сестрой Машей с удочкой на берегу и вела с ними литературные беседы. <...> Киселёвы были близко знакомы с Даргомыжским, Чайковским, Сальвини. Тогда композитор

37

38

39

37. Братья Киселёвы: Николай, Алексей, Павел и Пётр, сыновья Е. Н. Ушаковой-Киселёвой. Фотография. Москва, 1860-е
The Kiselev Brothers, Nikolai, Alexei, Pavel and Peter, Sons of E. N. Ushakova-Kiseleva. Photograph. Moscow, 1860s

38. В. П. Бегичев. Фотография. Начало 1860-х
V. P. Begichev. Photograph. Early 1860s

39. В. П. Бегичев. Копия, раскрашенная акварелью, с дагеротипа начала 1850-х (Кат. № 65)
V. P. Begichev. Hand-tinted copy from a 1850s daguerreotype (Cat. No. 65)

40. Дом князей Абамелек-Лазаревых на Миллионной, 22. Здесь с 1920 по 1925 Пушкинским Домом проводились открытые заседания, собрания, конференции и организовывались временные выставки музея. Фотография. 1930-е
House of the Princes Abamelek-Lazarev at 22 Millionnaya St. From 1920 through 1925, Pushkin House held there open-door meetings, conferences, and temporary exhibitions of museum collections. Photograph. 1930s

П. И. Чайковский, только незадолго перед тем выступивший со своим „Евгением Онегиным“, волновал бабкинские умы; так часто поднимались разговоры о музыке, композиторах и о драматическом искусстве. <...> После ужина шли в большой дом к Киселёвым. Это были превосходные, неповторимые вечера.

А. С. Киселев и В. П. Бегичев сидели у стола и раскладывали пасьянсы. Е. А. Ефремова аккомпанировала, тенор Владиславлев пел, а все Чеховы усаживались вокруг Марии Владимировны и слушали её рассказы о Чайковском, Даргомыжском, России, Сальвини. <...> В эти вечера много говорилось о литературе, искусстве, смаковали Тургенева, Писемского. Много читали, — здесь полугали все толстые журналы и много газет»²⁰.

Так протянулась нить времен от Пушкина, частого и желанного гостя московского дома Ушаковых, оставившего многочисленные рисунки и записи в альбоме своей приятельницы Елизаветы Николаевны — к Чехову, который был дружен с гостеприимным и хлебосольным хозяином бабкинского имения Алексеем Сергеевичем Киселёвым, сыном Елизаветы Николаевны.

В 1920 г. Пушкинский Дом получил для устройства временных историко-литературных выставок и открытых научных собраний дом на Миллионной, 22, принадлежавший крупнейшему землевладельцу и заводчику князю С. С. Абамелек-Лазареву, женатому на Марии Павловне Демидовой,

наследнице огромных демидовских владений на Урале. Этот гостеприимный особняк принадлежал Пушкинскому Дому до 1925 г., а «люстры, столы, шкафы, стулья и прочая стильная мебель» бывших хозяев до сих пор украшает его помещения и музейные залы. Часть семейного фотоархива, находившегося в доме Абамелек-Лазаревых, также стала собственностью Пушкинского Дома. Это в основном большеформатные фотографии интерьеров домов на Миллионной, 22 и Невском проспекте, 40; портреты членов семей Абамелек-Лазаревых, Деляновых, Олсуфьевых, Гагариных и др. Дошли до нашего времени и пять дагеротипов фотоархива начала 1850-х гг., среди которых наибольший интерес представляют две хорошо сохранившиеся работы ателье Сергея Левицкого (Кат. 29, 30) и одна — Иосифа Винингера (Кат. 26)

Лишь в 1927 г. Пушкинский Дом, переименованный несколько адресов, обрёл «свой дом» — здание бывшей Морской таможни, построенное по проекту архитектора таможенного ведомства И. Ф. Лукини в 1829—1832 гг.

В феврале 1920 г. в Пушкинский Дом поступил архив Раевских, а в июле того же года из национализированного особняка на ул. Сергиевской, 32, последней владелицей которого была Мария Григорьевна Раевская (урожд. Гагарина), вдова Михаила Николаевича Раевского, были вывезены книги, рукописи и фотографии из семейного архива. Можно с уверенностью утверждать, что и да-